Марина Ветрова ✦ Виктория Шнайдер

Измена мужа.

Ты привёз любовницу в наш медовый месяц, а шейх забрал меня себе!

Виктория Шнайдер

Измена мужа. Ты привёз любовницу в наш медовый месяц, а шейх забрал меня себе!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Измена мужа. Ты привёз любовницу в наш медовый месяц, а шейх забрал меня себе! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

Мой медовый месяц закончился на третий день свадьбы.Я застала мужа с любовницей и узнала страшное: Павел женился на мне ради денег моих родителей. Он рассчитывал использовать мою подпись в опасной сделке, а потом избавиться от ненужной жены.Я осталась одна на роскошном острове, не представляя, как выбраться из ловушки.Но влиятельный шейх Халид, которого боялся даже мой муж, неожиданно предложил защиту. Его дом стал моим убежищем, а погибающий зимний сад подарил новую цель.Только за помощью скрывается нечто большее.Сумею ли я разоблачить предателя, спасти семью и снова по-настоящему поверить мужчине, который готов бросить вызов собственному совету ради меня?

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шезлонг соседний 5
Глава 2. Остров без парома 8
Глава 3. Тот, кто страшнее мужа 11
Глава 4. Слово-клетка 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Ветрова, Виктория Шнайдер Измена мужа. Ты привёз любовницу в наш медовый месяц, а шейх забрал меня себе!

Глава 1. Шезлонг соседний

Медовый месяц начался с того, что мне сожгли платье.

Не в прямом смысле, конечно. Просто на второй день, когда я вышла на террасу нашей виллы с чашкой кофе, я увидела своё свадебное платье — то самое, кремовое, с закрытым верхом, ради которого я три месяца искала швею — аккуратно сложенным на кресле. А рядом стоял Павел и говорил в телефон что-то про «синергию потоков».

— Зачем ты его сюда притащила, — сказала я. — На пляж?

— Что? А. — Он прикрыл ладонью микрофон, глянул на платье, как на предмет интерьера. — Оно мешало в шкафу. Бери ниже, детка, не зацикливайся на символах.

Не зацикливайся на символах. Это он мне. Человеку, который зарабатывает на жизнь символами. Я свадебный флорист — я вся состою из символов: фата, кольца, букет невесты, который она потом сушит и хранит двадцать лет.

— Пав, — я сделала глоток кофе, чтобы голос не дрожал. — Мы женаты три дня. Три. У нас медовый месяц. Первая строчка в договоре с самими собой.

— И у нас же будет, — он снова прижал телефон к уху, свободной рукой поймал меня за талию, поцеловал в макушку — быстро, как штемпель. — Днём у меня переговоры по видеосвязи, вечером всё, только мы. Мне этот контракт на золотые горы светит, Сонь. Халид Аль-Саид, представляешь? Мне ещё полгода назад про него рассказывали как про страшилку. Инвестирует, но сначала разрывает. В прямом смысле. Из-за него два партнёра серыми стали.

— А со мной что мне делать весь день?

— Загорай. Ты у меня без шезлонга два года жила. — Он рассмеялся в трубку кому-то: — Да, да, на месте, запускаем.

Вилла и правда была подарком судьбы. «Внезапно получил от инвестора», — сказал Павел, когда мы прилетели. Белые стены, бассейн, ладони пальм над водой, море такое, будто его покрасили специально, для рекламы. Я стояла на террасе и думала: вот оно, вот с чего начинается вся жизнь. Я была счастлива по-настоящему, до коленей, до дрожи.

Мне двадцать семь. Я верила в любовь один раз — сильно, честно, на вырост. За неделю до этого дня я расписывала арку из белых роз на чужой свадьбе и плакала от счастья, представляя свою.

В ту же ночь я разуверилась навсегда.

Случилось это глупо, по-бытовому. Павел уснул над планшетом — как всегда, экран уткнулся ему в живот, из-под пальцев синел свет. Я хотела убрать планшет на столик, чтобы он не свалился, и зацепила пальцем край.

Экран загорелся. Открылась переписка.

Не рабочая. Рабочие я видела — там было «ок», «сделаем», «дедлайн в пятницу». Здесь было другое. Здесь было три года разговоров. Я листала вверх, и пальцы у меня холодели, а внутри поднималась вода — тихо, ровно, без плеска, как поднимается при затоплении.

«Мадлен»: ты был великолепен вчера, я всё видела в твоих глазах.

«Павел Гринёв»: терпи. Я тебя не забыл ни на день.

«Мадлен»: а она?

«Павел Гринёв»: она фон. Тёстин капитал нам нужен на посевной раунд. После медового месяца разведём всё тихо, я уже продумал схему. Потерпи ещё ничего, любовь моя.

Я стояла посреди спальни босиком, в его футболке — в его футболке! — и слушала, как он дышит. Ровно, спокойно, как дышит человек, которому нечего скрывать, потому что он своё уже скрыл и подшил.

«Разведём всё тихо». Слово «разведём» стоит в переписке про меня, как слово «доставка».

Я не закричала. Я вообще не издавала звуков — я аккуратно положила планшет на место, экраном вниз, вышла, прикрыла дверь и ещё минуту стояла в коридоре, глядя на своё отражение в зеркале. Отражение было нормальное. Загоревшее, свежее, в чужой футболке по колено. Очень фотогеничная жена.

Вот только медовый месяц у него получился вдвоём. Просто не со мной.

Я спустилась к морю, потому что не знала, куда девать тело. Ноги сами донесли по дорожке, мимо бассейна, по тёплым доскам настила — до пляжа. Утро было раннее, солнце ещё лежало низко, и на шезлонгах у лагуны были длинные тени.

Два шезлонга. Заняты.

В первом — Павел. Рубашка расстёгнута, ноутбук на коленях, он что-то печатал, губы шевелились. Во втором — женщина. Я узнала её мгновенно, хотя видела только на фотографии из его телефона год назад, ещё тогда, когда ревновала и проверяла, и он, обижаясь, показал мне «всю переписку с ассистенткой» — конечно, вычищенную.

Мадлен. Хищная, безупречно ухоженная, с идеальной укладкой, которой не страшен морской ветер, потому что она платит за неё столько, сколько я получаю за свадьбу. Она сидела, свесившись к его плечу, и растирала ему плечи. Пальцы её уходили под ворот расстёгнутой рубашки, к шее, и она чуть склоняла голову — так, что мне стало понятно: она знает, что смотрится. Она всегда на это рассчитывала.

Я подошла. Доски глухо стучали под босыми ступнями, и на последнем шаге Павел поднял голову — и я увидела, как по его лицу проходит испуг, всего на секунду, и как он его убирает. Убирать он умел хорошо.

— Соня. — Он закрыл ноутбук. — Ты рано.

— Я? — у меня даже получилось улыбнуться. — А ты, оказывается, не на переговорах.

Мадлен не убрала рук. Она выпрямилась, посмотрела на меня — сверху вниз, хотя сидела ниже, — и улыбнулась профессионально, наигранно, как улыбаются в кадр.

— Вы, должно быть, Соня. Павел столько рассказывал... — она чуть задержала взгляд на моей футболке, и я вспомнила, что это его футболка, и что я в ней спала, и что это теперь известно ей. — Я Мадлен, ассистент. Прилетела по работе, проект горит, вы уж извините, что влезаю в ваш отдых.

— Ничего, — сказала я. — Не влезаете. Видимо, вы тут давно.

— Соня, — Павел потёр лицо ладонями. — Давай без сцен. Это работа. Мы тут три года строим сделку, сделка важнее... — он запнулся. Умный был, черт, всегда умел красиво кривить. — Важно, что мне сейчас нужен тыл, а не допрос.

— Тыл, — повторила я. Слово было тёплое, домашнее. С него начинался мой год: «будь моим тылом, Сонь, пока я выращиваю компанию».

— Да.

— А твой тыл, значит, — я кивнула на её пальцы, всё ещё лежавшие на его плече, — массирует тебе шею у моря в шесть утра.

Мадлен мягко рассмеялась и наконец убрала руки — но так, что жест выглядел уступкой великой души.

— Павел, я пройдусь, — она поднялась, поправила лёгкое платье, и мимо меня прошла близко, касаясь плечом, — очень приятно, честно.

Мы остались вдвоём. Волны шуршали галькой внизу, солнце поднималось и лежало мне на спине, как ладонь.

— Это работа, Соня, — сказал он устало, как говорят с ребёнком. — Извини. Но давай будем взрослыми. Твой вклад в мой бизнес кончился вместе с тестёвыми деньгами. Они вложены, раунд закрыт, ты сделала всё, что от тебя зависело. Дальше — моя часть.

Я стояла и слушала, как во мне, тихо и ровно — без плеска, как ночью в спальне, — схлопывается что-то большое. Три дня назад этот человек стоял под аркой и сказал при свидетелях: «навсегда».

— Планшет, — сказала я. — Ночью он открылся.

Что-то прошло по его лицу — быстро, как тень птицы. Он не стал отпираться. Вот что меня добило потом, в самые страшные ночи на этом острове: он даже не отпирался.

— Значит, так, — он поднялся с шезлонга, и мы оказались нос к носу, только он был выше на голову. — Ты всё прочла. Хорошо, меньше разговоров. Мы можем сделать это красиво, Соня: до конца поездки ты улыбаешься для фото — тут приезжают люди, здесь всё на камеру, у меня переговоры с Аль-Саидом, и я не могу позволить себе скандал. Домой вернёмся, подадим на развод, я даже инициативу возьму на себя. А пока — сиди тихо.

— А если нет?

Он посмотрел на меня с чем-то похожим на жалость, и от этой жалости у меня впервые за утро потемнело в глазах.

— Тогда вспомни, чьи деньги в компании. Твоих родителей. И что бывает с деньгами, когда жена устраивает мужу сцены в медовый месяц.

Он взял ноутбук и пошёл к вилле, не оглядываясь. Мадлен ждала его у края настила — конечно, ждала, — и они пошли к вилле вместе, и тени их легли на песок рядом, две длинные полосы, парой.

А я осталась стоять на пляже. Море было красивое. Наглое, с рекламной картинки море, за которое кто-то платит деньги, чтобы приезжать сюда и быть счастливым.

Я присела в тот самый шезлонг — в его, ещё тёплый от его спины, — и вдруг поняла, что мне даже плакать не хочется. Хочется только одного: понять, как человеку, который вырастил из себя веру в любовь за двадцать семь лет, оказалось достаточно одного утра, чтобы вся она вышла через край, как вода.

Солнце поднималось выше. Где-то на вилле Павел говорил по телефону про синергию. А я сидела в чужом шезлонге на своём собственном медовом месяце и не знала самого главного: что через два дня на этот остров приедет человек, которого боится даже Павел.

И что мой тихий, аккуратный развод — это ещё не самое страшное, что мне готовил муж.

Глава 2. Остров без парома

К полудню я поняла, что заперта.

Не в прямом смысле — двери тут не запирались, вилла стояла раскрытой настежь, море было в шаге. Заперта — по-настоящему, по всем правилам: без паспорта, без билетов, без денег.

Я обнаружила это, когда решила уехать. Не хлопнуть дверью — уехать, тихо, по-взрослому, как и было обещано: «домой вернёмся, подадим на развод». Сумка, паром на материк, отель, звонок маме. План был ровный, как линия отреза.

Паспорта в сейфе не оказалось. Ни моего, ни его.

— Ключ от сейфа? — я вышла к Павлу на террасу. Он завтракал, аппетитно, весь в белизне — льняная рубашка, яйца, кофе. Мадлен где-то звонила по-своему, на другом конце виллы, и голос её доносился оттуда, деловитый и низкий.

— У меня, — сказал он, не поднимая головы. — Зачем тебе?

— Поразительно. Зачем жене паспорт на острове. Погадать?

— Сонь. — Он отложил вилку и посмотрел на меня с той самой усталостью взрослого человека. — Ты же умная. Давай так: ты никуда с острова не уезжаешь до конца недели. Паром раз в три дня, и я его не одобряю. Билеты — у меня. Карты — у меня. Твоя карта, кстати, заблокирована, извини, семейный бюджет, ты понимающая. Твои вещи я отправил на материк с курьером — лишний груз тут ни к чему, уж прости, что без спроса, но ты бы устроила мне сцену.

— Мои вещи.

— Всё, кроме того, что на тебе. Не переживай, собрано аккуратно. Мадлен помогала.

— Мадлен, — повторила я. — Конечно.

— Она в курсе всех моих дел. — Он снова взялся за вилку, и это было хуже крика: я стояла перед ним, а меня уже ставили в расписание, между завтраком и звонком. — Сиди тихо, улыбайся для фото, через пять дней летим домой. Там всё сделаем чисто, без нервов. Тебе же лучше.

— Мне?

— Ну вот, — он поднял глаза и улыбнулся. Улыбка была почти тёплая, я такую любила три года. — Вот и договорились.

Я не договорилась. Я пошла к управляющему — на этом острове при отеле был управляющий, сухой человек в белом, который при заселении три дня назад кланялся мне ниже, чем Павлу. Про него мне сказал сам Павел ещё на материке: «остров обслуживается людьми Аль-Саида, не суетись, тут всё по-другому работает».

Управляющий выслушал меня в прохладе офиса, где пахло кофе и жасмином, сложил сухие руки на папке с бумагами и сказал ровным голосом:

— Мадам, я обязан вам сочувствовать. Но я подчиняюсь не вам и не вашему мужу. Я подчиняюсь дому Аль-Саидов. Ваш муж — гость инвестора. Ваш паспорт находится в сейфе, арендованном вашим мужем. Тронуть его я не могу.

— А паром?

— Паром частный. Расписание утверждает инвестор. Ближайший — послезавтра утром.

— Продайте мне билет.

— Билеты, — сказал он с лёгким, безукоризненным извинением, — не продаются. Их одобряют.

— Кто одобряет?

— Господин Аль-Саид, разумеется.

Я вышла из офиса и несколько секунд стояла на белой площадке, глядя на море, которое было всё так же покрашено под рекламу. Значит, вот как это делается. Не в родном городе, не со скандалом и битьём посуды, а вот так: стерильно, вежливо, чужим языком, на острове, где расписания утверждают люди, которых ты никогда не видел.

Вечером я собрала остатки: мою косметику в косметичке, замену белья, зарядку. Чемодан, мой большой розовый чемодан, улетел с курьером «за ненадобностью» — остались сумка и то, что на мне. Я попробовала заснуть в спальне — там пахло им и его одеколоном, а в темноте на стене висел наш предсвадебный портрет, заказанный Мадлен «для фотоотчёта». Я спустилась вниз и легла на шезлонг у бассейна, подтянув сумку под бок.

Вода в бассейне светилась снизу, мягко, голубым. Надо было плакать. Я ждала слёз, честно ждала — думала, сейчас накроет. Но вместо слёз было холодно и ясно, как в той переписке: «после медового месяца разведём всё тихо».

Он не просто изменил мне. Он привёз меня сюда как предмет. Как подпись под документом, как галочку в графу «женат — проверено тёстями», как упаковку для денег моих родителей.

Про деньги родителей я поняла не сразу — не в тот вечер. В ту ночь я просто спала у бассейна, просыпаясь от каждого шороха, и смотрела на звёзды, которых в моём городе не бывает.

Схему мне обрисовали утром, за завтраком, который Павел приказал накрыть на двоих — жест великодушия, надо же показать миру мирную пару. Мадлен работала за углом террасы, и кофемолка на кухне молола своё ровно, как фон.

— Раз ты взрослая, — начал он, — держи вводную. Через две недели мои адвокаты подают на развод. Дата раздельного проживания — задним числом, до свадьбы, всё чисто, документы готовы. Претензий нет, имущества общего нет.

— Ага. И куда денутся деньги моих родителей?

— Отличный вопрос, — он оживился, видно было, что эту часть он репетировал. — Видишь ли, есть нюанс. Твои родители вложились в мой проект как физические лица, через семейный займ. Займ оформлен... — он сделал паузу, любуясь собой, — на тебя. Как на супругу-поручителя. То есть юридически долг висит на тебе, Сонечка. Инвестиция сгорела — бывает, стартап есть стартап. А долг остаётся. Тебе. Тридцать два миллиона.

Вилка у меня в руке стала очень лёгкой и очень далёкой.

— Ты женился на мне, — сказала я медленно, — чтобы повесить на меня долги моих же родителей.

— Грубо сказано. Я предпочитаю: семейный капитал остался в семье. — Он отхлебнул кофе. — Так вот, чтобы всё стало чисто-чисто, тебе нужно подписать три бумаги. Соглашение о раздельном проживании, согласие с условиями займа и... впрочем, адвокаты покажут. Подпишешь — и я даю тебе паспорт, билет и свободу. Не подпишешь...

— Что — не подпишу?

— Ну, — он повёл плечом, — паспорт у меня. Остров маленький. Мадлен, кстати, предлагает составить тебе компанию, вы уже познакомились.

Я смотрела на него и понимала, что человек напротив мне совершенно незнаком. Нет — знаком был тот, прежний, три года, цветы по понедельникам, «будь моим тылом». А этот — этот был из той переписки, из планшета, и вот он-то, настоящий, только сейчас вышел на свет.

— Ты не всегда был таким, — сказала я. Это не был вопрос.

— Я всегда был таким, — просто ответил он. — Просто раньше ты была полезной.

В тот же день я сделала две ошибки, о которых потом пожалею только одну. Первая: я не подписала. Гордо, с дрожащими руками, я отодвинула от себя бумаги, которые он принёс вечером, и сказала: «Нет». Он улыбнулся и убрал их в папку — аккуратно, как убирают козырь в карман.

Вторая: я решила пересидеть. С сумкой, на шезлонге у бассейна, ждать паром — вдруг управляющий ошибся, вдруг можно договориться, упасть в ноги, заплатить. Я ещё не знала главного закона этого острова: тут не бывает «вдруг». Тут всё утверждено.

Ночь прошла длинно. К утру я задремала, и разбудил меня не рассвет и не Павел — разбудили шаги. Много шагов. Я села, волосы налипли на щёку, на животе отпечатался ремень сумки, — и увидела управляющего. Он стоял у бассейна в окружении двух человек в белом, и на столике рядом с моим шезлонгом уже ставили поднос: кофе, вода, финики.

— Мадам, — сказал он, и впервые в его голосе что-то дрогнуло. — Прошу прощения, что буджу. Но у меня распоряжение, и я обязан объявить его всем гостям острова.

Я пощупала губы — пересохшие. — Гостей тут трое.

— Именно. Завтра утром на остров прибывает господин Халид Аль-Саид. Лично. Инспекция перед переговорами. — Управляющий помолчал. — Мне велено подготовить остров. И убрать с него всё лишнее. Все гости, кроме... — он сложил пальцы, подбирая слова, — кроме никаких исключений, мадам. Так в распоряжении и сказано: «кроме никаких исключений».

— То есть нас выселяют?

— Ваш муж с сопровождением переберутся на материк завтра к шести утра. Я уже доложил ему, он в ярости, но, — управляющий впервые позволил себе то, что было почти улыбкой, — ваш муж кричал по телефону очень долго, а потом очень тихо сказал: «слушаюсь». Вы не представляете, мадам, как редко я такое слышу.

— А я? — спросила я. — Мне куда?

Управляющий посмотрел на меня внимательно. Так, как не смотрел ни Павел, ни Мадлен, ни весь этот глянцевый остров: так смотрят на человека, о котором в распоряжении сказано меньше, чем о мебели.

— В распоряжении про вас ни слова, мадам, — сказал он. — Ни слова — это значит: не трогать. Позвольте предложить вам номер. И завтрак. И, — он чуть наклонился к подносу, — финики. Господин Аль-Саид не жалует, когда на его земле голодают.

Я взяла финик. Он был тёплый от солнца, липкий, невероятно сладкий — первый нормальный вкус за два дня.

А вечером Павел постучал к мне в номер. Постучал — впервые за три дня он постучал. За спиной у него была Мадлен с ноутбуком, а в глазах — то, чего я раньше у него не видела: страх, сжатый в кулак и спрятанный за хороший костюм.

— Соня, — сказал он, — нам надо поговорить о человеке, к которому мы летим.

Глава 3. Тот, кто страшнее мужа

Самолёт — маленький, белый, частный — шёл над водой двадцать минут. Всё это время Павел рассказывал мне, какая я дура.

Не прямо. Он был умнее. Он рассказывал про Халида.

— Не смотри ему в глаза дольше пары секунд. Не перебивай. Не говори про деньги первой — вообще лучше не говори. Если спросит — отвечать коротко, «да, господин», «нет, господин». Ты не на вечеринке, ты на переговорах. И главное, Соня: улыбайся. Мне нужен образ счастливой семьи на эти два часа, потом снимешь маску хоть на урод.

— Урод, — повторила я, глядя в окно на воду. — Это ты сейчас про себя?

— Я про выживание, — сказал он глухо. — Ты не понимаешь. Этот человек может разом сделать так, что от моей компании останется название. Я девять лет строил бизнес, Соня. Девять лет. Ради этой сделки я... — он осёкся, но было поздно, и мы оба это знали.

— Ради этой сделки ты женился, — сказала я в стекло.

Он промолчал. Молчание было ответом, и оно висело над нами весь остаток пути.

А потом мы приземлились, и я поняла, что Павел всё это время врал мне не только про любовь. Он врал про масштаб.

Остров, с которого мы улетали, был красивый. Это было просто красивое место. А сюда, на материк, к побережью, к частной резиденции на самом краю лагуны, — это была другая весовая категория. Белые арки, вода цвета асфальта в тени и бирюза на солнце, люди в белом, которые двигались без суеты, как будто время здесь оплачивали отдельно. Всё было огромным и тихим одновременно, и от этой тишины хотелось говорить шёпотом.

Павла встретили двое: управляющий и молодой человек в белом кандуре, который назвался Керимом и сказал, что он «правая рука господина по протоколу». Про меня он спросил одну фразу:

— Это супруга?

— Моя жена, — сказал Павел, и голос у него был на две трети октавы выше обычного.

Керим посмотрел на меня секунду дольше, чем требовало вежливость, и я не поняла, что я прочла в этом взгляде. Сочувствие? Оценку? Отметку «в списке»?

— Господин примет вас в кабинете, — сказал он. — Одного. Супруга будет ожидать в восточной гостиной. Там прохладно и подают чай.

Меня увели по коридору с арками, и я оглянулась один раз: Павел стоял посреди белого двора, и он был маленький. Вот что я поняла в тот миг, глядя на мужа сверху, со ступеней: дома, в моём городе, среди моих людей, он был большой. Здесь его рост определяли другие.

Восточная гостиная оказалась комнатой с резными решётками на окнах: свет падал сквозь них узорами на пол, и по полу ползали медленные золотые пятна. Чай принесли в стакане с золотым ободком, с мятой, такой крепкой, что у меня зазвенело в зубах. Я сидела на низком диване, держала стакан двумя руками и слушала.

Потому что слышно было всё.

Кабинет был через внутренний двор, и окна его выходили туда же, на фонтан. Звук переговоров летел через двор и резные решётки, и если замолчать — слова долетали.

Павел начал издалека — я узнала его дальний звук, интонацию «медовухи-сказки», как я её про себя называла: медовым голосом он рассказывал инвесторам про светлое будущее. Я услышала слова «партнёрство», «наследие», «семейные ценности» — и чуть не расплакалась от точности: он и мне это говорил, слово в слово, год назад, на первом свидании под этот же шум фонтана — только фонтан был другой, бетонный, в сквере у моего дома.

Потом его голос изменился. Стал ниже, суше, деловее — так он говорил, когда заканчивалась сказка и начинались цифры.

И тут я услышала ещё один голос.

Про него нужно сказать отдельно. Я услышала его раньше, чем слова, — низкий, ровный, неторопливый, с такой ленивой силой, с какой говорит человек, которому никогда в жизни не приходилось повышать тон, потому что тон повышали за него другие, от страха. Этот голос не продавливал. Он лежал на собеседнике, как плита.

— ...и где, ты говоришь, твоя молодая жена, — сказал голос.

Пауза. Фонтан шумел.

— Она тут, господин, она в гостиной, она... — Павел засмеялся, коротко и неловко, — понимаете, у неё лёгкая форма... она стеснительная, я не хотел грузить вас, вы же занятой человек, а она, скажем честно, в этих материях не...

— В каких материях, — спросил голос, — она не разбирается?

Всё. Я услышала всё. Дальше Павел выкручивался — я слышала, как он выкручивался, слова «хрупкая», «домашняя», «не стоит вашего внимания», и каждое слово падало во дворе, как капля в фонтан, и я сидела в гостиной с остывающим чаем и понимала, что меня продают. Не как жену — как приложение к сделке. Как глянцевую наклейку на коробке: «семейный стартапер, проверено тёстями».

А потом что-то случилось. Я услышала звук стула — тяжёлого, отодвинутого одним движением, — и шаги. Шаги пошли через двор, ровные, размеренные, и я вскочила с дивана так резко, что чай плеснул на мою руку, — потому что шаги шли сюда, и Павел вскакивал следом, я слышала, как шуршит его костюм, и он говорил что-то вдогонку — «господин, господин».

Дверь гостиной отворилась без стука.

Он вошёл — и я поняла, что весь мой словарный запас, все мои красивые внутренние монологи, всё, чем я жила три дня, не годится. Потому что в книгах и фильмах такие люди получаются из света и монтажа. А это был живой человек — высокий, тёмный, в белом без единой складки, и смотрел он так, что у меня внутри всё потеплело — вот именно потеплело, впервые за три дня, хотя разум кричал: сиди, молчи, не смотри в глаза дольше пары секунд.

Я смотрела. Я не могла отвести.

— Ты его жена, — сказал он. Это не было вопросом, и это не было обращением — это была перекличка, как в списке.

— Да, — сказала я. Голос мой сел, и я сглотнула и сказала нормальным голосом: — Соня. Соня Ефремова.

— Соня, — повторил он, словно пробуя слово на вес. И повернулся к двери, куда, бледный, въехал Павел, держась за наличник. — Ты сказал, что твоя жена — домашняя и в материях не разбирается.

— Господин Аль-Саид, я...

— Она владеет цветочным бизнесом. Семь мастеров в штате, — сказал Халид, не глядя ни в какие бумаги. Откуда он это знал, я узнаю позже, и от этого знания у меня долго холодело в затылке. — Я готовился к встрече, Гринёв. Я готовлюсь ко всему. И я не припомню, чтобы в подготовленных материалах твоя жена значилась «домашней». В моих материалах она значится соучредителем семейного фонда, на который легла половина твоего посевного раунда. — Он помолчал. — Ты продал мне сказку про крепкую семью на две трети миллиарда. Твоя крепкая семья держит твою жену на острове без паспорта, и её вещи улетели с курьером за ненадобностью. Угадай, откуда я это знаю.

Павел открыл рот. Закрыл. Я смотрела на мужа — настоящего, живого Павла, — и видела, как он впервые в жизни понял, что такое быть проданным. По его лицу расползалось то же, что я прочла когда-то в переписке: холодная ясность, человек для кого-то — предмет.

— Соня, — сказал Халид, и я вздрогнула, потому что он смотрел на меня. — Сколько дней ты на этом острове без своего паспорта?

— Три, — сказала я. — Сегодня четвёртый.

Что-то прошло по его лицу — не жалость. Жестче. Как будто где-то в нём щёлкнул и встал на боевой взвод механизм, которому не нужен был его приказ.

— Гостья, — сказал он тихо, и Керим в дверях выпрямился, — оскорблена на моей земле.

— Господин, но она моя жена, — Павел сделал шаг вперёд, — вы не можете просто...

— Я могу всё, — сказал Халид. Он не повысил голос. Он сказал это так, как говорят «дважды два». — Она едет со мной. В мою резиденцию. До выяснения обстоятельств твоего контракта, Гринёв. А твой контракт, поверь мне, — он впервые улыбнулся, и улыбка была как лезвие, повёрнутое плоской стороной, чтобы человек успел разглядеть, — сейчас будет очень, очень долго выясняться.

— Вы не имеете права, — прошептал Павел.

— Ты приехал просить у меня деньги, — сказал Халид, — и ты ещё учишь меня, что я имею. Керим, собери госпоже вещи её мужа. Все, до последней футболки. И передай его адвокатам: в моём часовом поясе сегодня ещё не вечер.

Он повернулся и пошёл к выходу, и на пороге обернулся — не к Павлу, ко мне.

— Идём, Соня. У меня холодный сок и очень дурная слава. Ты в ней не виновата, но привыкай: из-за меня на тебя теперь будут смотреть.

— А вы? — спросила я. Голова была пустая и лёгкая, как после жара. — Вы будете смотреть?

Он чуть задержался. В его глазах мелькнуло что-то — не тёплое, опасное, как искра у пороха.

— Я смотрю на всё, — сказал он. — Иди.

И я пошла — за ним, по белому двору, мимо фонтана, мимо Павла, стоявшего посреди солнца с открытым ртом, — и с каждой ступенью я чувствовала, как вместе со мной из-под его носа уходит то единственное, что он ещё держал в руках.

Меня.

Глава 4. Слово-клетка

Машина — чёрная, длинная, холодная внутри, как погреб, — неслась по прибрежному шоссе, и за стеклом проносился город: белые башни, пальмы, вывески. Халид сидел напротив и работал — на экране, жестами, короткими фразами в телефон. Я сидела рядом и старательно не смотрела на него, что было трудно, потому что от него исходило тепло. Не метафорически — физически. В машине было прохладно, а рядом с ним было жарко, и я злилась на своё тело за эту дурацкую реакцию: три дня как я похоронила веру в мужчин, а он, пожалуйста, — кожу тянет, как к солнцу.

— Не бойся, — сказал он, не поднимая головы от экрана. — Отвезу, накормлю, дам комнату. Никто тебя не тронет. Ты под моей защитой.

— Спасибо.

— Это не доброта, — он поднял глаза, и экран осветил его лицо снизу, сделав чужим. — Это долг чести. Ты — гостья переговоров, которые велись на моей земле, и на тебе поставили жирную точку, как на багаже. Это позор не твой. Это позор того, кто так поступил, и того, кто при этом молчал. Я не молчал. Остальное — техника.

— А... — я собралась с духом. — Сколько это «до выяснения»? Обстоятельств его контракта.

— Сколько понадобится. — Он вернулся к экрану. — Могу неделю. Могу год.

— У меня есть дом. Работа. Семь мастеров, как вы изволили выразиться. Мастерская, заказы, свадьбы по субботам...

— Поручи. Лучший менеджер получит надбавку, — сказал он буднично, и я поняла: он уже всё решил, ещё в той машине, ещё, возможно, в том дворе. Халид Аль-Саид не обсуждал мой график. Он его переписал.

И вот тут я сделала глупость. Усталость, шок, четыре ночи без сна — я выбрала самое неудачное из возможных слов:

— А если я не хочу? У меня, вообще-то, есть муж.

Он отложил телефон. Медленно. В салоне стало очень тихо, только шоссе шумело за стеклом.

— Скажи это ещё раз, — попросил он. — Медленно.

— У меня есть муж, — сказала я, и голос предательски дрогнул, потому что я вдруг вспомнила переписку и слово «фон».

— У тебя есть человек, — сказал Халид, — который запер тебя на острове, отобрал паспорт, выслал твои вещи и готовится посадить на тебя долг в тридцать два миллиона, записав тебя поручителем по займу твоих же родителей. Я сказал это с порога, не спрашивая, — потому что я это знаю, Соня. Я знаю про тебя всё, что стоит знать про имущество в чужой сделке. — Он наклонился чуть вперёд, и жар его стал почти осязаемым. — Поэтому слушай внимательно, один раз. В моём доме ты теперь под моим словом. Моё слово — это клетка, из которой не выпрашивают выход. В ней тепло, сыто и безопасно, но дверь открываю я. Ты поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.